

Алексей Небыков

АПОСТАСИЯ ОТ ЛЮБВИ

Рассказ

Ему грезилось в болезни, будто весь мир осуждён в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве... Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нём в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром...

*(Ф. М. Достоевский,
«Преступление и наказание»)*

Чёрное небо, белый снег. Ветер, хлесткий ветер, как сумасшедший мельник, сбивал Настю с ног в этот утренний час, налетал со спины, рвал подол пальто, крутил выбивающиеся из-под шапки миндальные волосы, подгоняя на важную встречу, результатов которой теперь ждали на всём Белом свете. Всего через несколько часов Совет по науке и безопасности должен был утвердить положение стрелок на часах Рокового дня, установив время до наступления необратимой катастрофы.

В этом году международная комиссия учёных и нобелевских лауреатов собралась для проведения столь масштабного действия в России. Такая честь была оказана стране за успехи по борьбе с бушевавшим по всему миру вирусом. Именно русские сумели создать безопасную вакцину и безвозмездно поделились результатами работы с народами всего мира, не думая о расчёте, прибыли и собственных интересах. И как русский таец, широкий и открытый, достижения лучших в России умов хлынули в мир – безбрежно и бескорыстно.

Настя работала микробиологом в ИЦ имени Гамалеи в Москве, именно в её лаборатории была разработана применявшаяся повсеместно вакцина «Спутник победы». Она знала всё о пандемии и вирусах и была приглашена экспертом на итоговое совещание в знак благодарности за свою работу, чтобы огласить перед миллиардами людей во всём мире решение Совета.

Москва в эти дни была закрыта на карантин, и потому участникам Совета предложили разместиться в одной резиденции недалеко от Рязани, чтобы там огласить вещи всемирной значимости.

И на такую важную встречу опаздывала теперь Настя. Причины задержки были очень для неё важны, но, пожалуй, в масштабах решаемых сегодня вопросов могли показаться любому незначительными и слишком частными. Её Пётр заболел. Первые симптомы недуга были такими же скверными, как и те, что были у него когда-то давно, в пору первых случаев вирусных заболеваний.

В ту нервную ночь Пётр всё никак не мог уснуть. Пил много воды, пошатываясь, ходил по комнатам, пугливо озирался, косился всё на что-то в тёмных углах квартиры, прерывисто, даже с посвистом дышал, а после полуночи слёг в лихорадке.

Насте не было рядом. Исследования, важный научный проект, её группа как раз работала над вакциной. Но она бесконечно звонила, советовалась и даже ругалась с коллегами, обсуждая назначения и принимаемые меры, – до тех самых минут пока врачи не приехали и не забрали Петра в реанимацию. А дальше был какой-то дурной сон. Пётр долгое время боролся за жизнь, и многие месяцы прошли, пока они снова встретились.

В те далекие дни их разлуки Настя сожалела, что не успела сказать Петру в последнем разговоре всего несколько слов на прощание, а потому сегодня утром она, опасливо оставляя дом, написала записку, где рассказала ему о своей привязанности и о том, чтобы он не боялся, так как теперь все привиты, и течение недуга быстро пойдёт на спад...

Резиденция, отданная на время совещания Совету, располагалась на дне оврага вдоль реки, называемой местными Медвенка. Раньше там стояло всего несколько изб, а крутые

склоны оврага были усеяны частыми деревьями и кустарниками. Теперь же склоны превратились в почти отвесные стены, растительность выкорчевали, а дома разрослись по обоим берегам реки. И только Медвенка, по-прежнему замерзая в ноябре и вскрываясь в апреле, вытекала на север у какого-то давно позабытого села, чтобы пересечь несколько шоссе и соединиться со своей старшей, стремительной сестрой-рекой.

Спускаясь в низину по крепкой металлической лестнице, словно в снеговую купель погрузилась Настя. Запылила вьюга своим веретеном откуда-то со дна оврага. Настя закашлялась, закрыла глаза, а когда снова попыталась разглядеть окрестности, увидела внизу ухоженные припорошенные снегом деревянные дорожки, редкие деревья, укутанные оставшимися с новогодних дней гирляндами, навесные, обледеневшие мостики над рекой и спрятавшиеся в тумане дома с белыми крышами, которые, казалось, будто парили в облаках. Каждый год в Рождество здесь случалась книжная ярмарка «Русские», собирались издатели и писатели со всех городов России и устраивали встречи и презентации, чтения и мастер-классы, играли в снежный бой, топили дровами баню, покупали в лавках жареные каштаны, сладкую вату, ёлочные игрушки и другие сувениры, а ещё пили водку и совершали разные поступки...

Но теперь здесь было тихо, приехали гости, важный Совет. Воздух в низине был глухим и холодным. У Насти заоченели пальцы, и ей хотелось скорее дойти до людей, до тепла. Сойдя с лестницы на берег, она вышла на неширокий деревянный настил. Ступая по его накрытой снегом поверхности, Настя обнаружила под ногами лёд, было очень скользко, и каждый шаг давался с трудом.

«Хоть бы песком посыпали или золой», – думала про себя Настя, разглядывая впереди самый крупный в окрестностях трёхэтажный сруб, расположенный на склоне выше домов, тумана и замерзшей реки.

В этом доме теперь располагался главный обучающий центр. Сюда-то и заехали ещё неделю назад учёные, эксперты, знатоки, нобелиаты и лауреаты премий мира. Посмотрев до того достопримечательные места, проведя первые совещания, члены Совета должны были проговорить сегодня главные, всеобщие

угрозы, составить список предупреждений и определить положение стрелок на часах, наблюдая которые каждый должен был приосаниться и вспомнить о возможном близком финале и находящейся всегда рядом гибели.

Подбегая к резиденции, Настя заметила мелькнувшую тень на другом берегу. Тень скоро выскочила из тумана и остановилась у одинокого ссохшегося дерева недалеко от перекидного моста, соединяющего берега реки. Крупный чёрный пёс приветливо разглядывал Настю. Его мощная, смоляная голова задорно выписывала круги в воздухе, а лапы пружинили от нетерпения, и казалось, что он вот-вот встанет на дыбы. Настя испугалась и стала быстро подниматься к месту совещания по скрипучим деревянным ступеням.

На небольшом плато, у верхнего края оврага стоял трёхэтажный сруб. Настя иначе представляла его себе. В уведомительных листках, разосланных накануне, был изображен гигантский деревянный дом, справленный под старину из светлой необработанной ели, с массивными дверями, нарезными ставнями и широким крыльцом. Теперь же дом больше походил на гибрид современного и исполненного в старом стиле сруба. Широкое крыльцо превратили в стеклянный тамбур с автоматическими распашными дверями, деревянные ставни заменили на оконные жалюзи, всю крышу центра искололи антеннами и облепили солнечными батареями, а вдоль обрыва помещался парад флагов различных стран, да и само дерево дома теперь выглядело тусклым и помутневшим.

Забежав внутрь, Настя оказалась в душно натопленной, просторной зале, никакой старины, кругом современное, деловое пространство, серые стены, много искусственного света, повсюду аппаратура и провода. В центре зала стоял модный камин из стекла, поднимающийся под самый потолок. Его пламя то и дело взмывало под потолочные балки, освещая невысокие столы с напитками и закуской, вокруг которых крутились нарядно одетые люди. В такие минуты жар разносился по комнате, а лица незнакомцев в отсветах огня казались красными, будто вылитыми из багряной меди, разговаривающими масками.

Привратник помог Насте раздеться, и она – румяная с мороза – подошла к огню. У камина было знойно, манко, так и хотелось подставить закоченевшие ладони пылким языкам пламени за стеклом.

Заседание ещё не началось, значит, Настя не опоздала и хорошо, что решила задержаться дома...

– Anastasia, over here, – позвала Настю Брон Рэйчелсон, председатель и сео Совета, невысокая женщина, с неизящными, крупными, но приятными чертами лица, с впечатлительными, печальными глазами, укрытыми за крупной чёрной оправой. Одета она была броско. Высокие каблуки, чёрные брюки, пиджак цвета шардоне и широкий синий шейный платок.

Настя вставила в ухо голосовой переводчик и теперь могла свободно общаться с участниками из любых стран.

– Наконец-то ты подошла, – перевёл слова Брон Рэйчелсон переводчик. – Как у тебя дела? Вижу, отлично! А мы совсем скоро начинаем. Случились неполадки с часами, теперь их устранили, и мы можем приступить к работе. Но сначала я должна тебя со всеми познакомить, а ещё показать, как устроены часы, – и председатель Совета пригласила Настю пройти к окружавшим камин людям.

– Сейчас участникам предлагают закуски, а после совещания состоится банкет, где мы откроем несколько восхитительных бутылок калифорнийского вина. Хотя доктор Энви Жалуз, член Совета и профессор политологии Парижского университета, жаловался, что мы не привезли в этот раз его любимое французское бордо. Дорогой Энви, как вам эти раски закуски? Идите к нам, я познакомлю вас с главным доктором по вакцине в России, – обратилась Брон Рэйчелсон к интеллигентному худощавому мужчине – в тёмно-синем костюме, аккуратно выбритому, с идеально уложенными волосами, в непримечательных очках без оправы.

– О, ви, ви, я читал о вас подробную статью в журнале «Лансет», Анастасья. Милая Брон, а вы не думали, что слово «раски» – это файтинг-слово, и вы можете не нарочно обидеть нашу подругу, – и Энви, снимая с груди салфетку, с нежностью посмотрел на Настю.

– Простите мне мою бестактность, но я не хотела никак вас обидеть...

– Ничего, ничего. Ми лайк Америка, – прервала Брон Настя и засмеялась. – Я рада знакомству, доктор Энви. Что особенно вы рекомендуете из угощений?

– О, у меня вчера случилась индигестия, и это просто трагедия, я не могу позволить себе теперь в питании развязность, но пирожки-расстегаи из кролика и осетрины – объедение. А ещё эти блины поджаристые, пухлые с икрой и паштетами. Я проглатываю их, не прожёвывая, и чувствую в животе искры от удовольствия.

– Пироги и выпечка действительно загляденье. Все эти сочники, манники, ватрушки, и как это у них называется? Каша, ммм, обязательно попробуйте, – подошла к беседующим круглолицая индианка с чёрными волосами в строгом костюме оливкового цвета, разламывающая что-то из выпечки прямо руками.

– Это доктор Ардже Джоша, член Совета, исполнительный директор Комиссии по биозащите. Поклонница хатха-йоги, пьёт исключительно воду, а хлеба касается только руками, чтобы не портить карму, – прошептала Насте Брон. – Доктор Ардже, познакомьтесь с Анастасией, именно ей предстоит огласить наши решения всему миру.

Вскоре Настю представили и другим участникам совещания: Сирлин Джэн Солит, руководителю Всемирной организации помощи, нобелевскому лауреату Премии мира, действующему президенту одной из африканских стран; Джеку Драуну, члену Совета, губернатору Калифорнии; и Алексею Юшкину, профессору факультета глобальных процессов Ленинградского университета.

Соотечественник вызвал у Насти особый интерес, и они с теплотой проговорили некоторое время. Алексей был русым мужчиной средних лет, с аккуратной бородой с проседью, широкоплечий, коренастый, с большими голубыми глазами. Он добродушно рассказал Насте, что уже успел распробовать местный, изумительно сваренный мёд, который официанты неустанно приносят в сосудах, и собирается непременно после бани смаху проломить лёд Медвенки. Какая-то особая, кипучая радость жизни чувствовалась в Алексее, что-то незаёмное,

общее, понятное о действительности лишь ему и Насте проявлялось в его повадках и в речи.

Разговор с профессором Юшкиным прервала Брон: она позвала Настю в часовой зал.

«Часы...», – спохватилась Настя, отпросилась у председателя и набрала Петру на мобильный, потом позвонила на домашний телефон. Длинные гудки, затем обрыв связи, длинные гудки и снова обрыв. Дозвониться она не сумела и вернулась растревоженная к Брон.

Часовой зал располагался в боковой от камина комнате. Теперь он был пустым, его освободили перед совещанием. На стенах и на полу остались следы от стоявшей недавно внутри мебели, от висевших картин, навесных полок, прикрученных ножек. Сейчас на высоких кронштейнах под потолком размещались хищные, крупные камеры, лампы холодного света упирались повсюду в пол своими чёрными треугольными спицами-ногами. Трибуну для выступления установили в самом центре комнаты, и какие-то люди прикручивали к ней микрофоны.

В хорошо освещённом углу в дальнем конце часового зала на двух долговязых чёрных ногах размещался белый циферблат, похожий на школьную доску. Точнее это была четвертая часть круга часов – временной интервал с девяти до двенадцати. Каждый час отображала одна из четырёх чёрных точек, дугой-ресницей снизу-вверх шла чёрная толстая линия, примета неумолимого течения времени, а две разновеликие чёрные стрелки, располагались теперь напротив точки, обозначающей девятый час на циферблате.

У часов с угольным крепом в руках крутились хранители. Они разворачивали ткань, чтобы спрятать лицо времени, но Брон Рэйчелсон окрикнула их и жестом попросила остановиться.

– Господа, знакомьтесь. Это Анастасия – доктор наук, руководитель российского отдела эпидемиологии. В назначенный час она пройдёт к вам и укажет позиции стрелок на часах.

Хранители улыбнулись Насте глазами, лица их были укрыты масками.

– Затем вам нужно будет занять место за кафедрой и зачитать сообщение. Не спешите, прочувствуйте момент, его колоссальное значение. А эти механические друзья, – и Брон указала

на крупные камеры под потолком, – будут окутывать вас со всех сторон, запечатлевая каждое движение, каждое произнесённое слово. Как только вы огласите позицию часов, хранители снимут полотно, и миллиарды людей во всем мире увидят наше предостережение и, я надеюсь, решатся на правильные меры, заставят правительства прислушаться и многие вещи переменить.

Настя поблагодарила председателя и пообещала выполнить всё надлежащим образом. Она хотела было добавить, что ценит оказанное доверие, осознаёт важность момента, но Брон, недослушав, отошла от неё. Председатель была недовольна прямоугольным пятном в верхнем углу позади часов и руководила смещением всей часовой конструкции из угла ближе к центру.

Настя вышла из зала. И снова попыталась дозвониться домой – безуспешно. Тогда она стала успокаивать себя воспоминаниями.

Пётр был молодым учёным, среднего роста, совершенно не приспособленным к делам хозяйским. Любил носить одни и те же вещи, затаскивая их до замечания. Мог до рассвета сидеть над статьёй, изучая точки зрения и приговоры коллег. И хотя был нежен до теплоты, всегда с улыбкой терпел, уступая Насте право наводить в комнате свежий воздух, и отчаянно дрожал, пока она не кутала его в плед, лежащий рядом с ним в корзине...

«Болезнь одолевает тех, что не борются с нею всеми силами своей души, – думал про себя Пётр, тяжело переворачиваясь в кровати на другой бок. – А я держусь, не уступаю. Многие ещё смогу пытки в груди перетерпеть».

Последние дни Петру сильно нездоровилось. Дыхание было горячим, ослабли ноги. Дома теперь царило глубокое безмолвие. Пётр раньше всегда был жадным до тишины, а сейчас вот хотелось бы слышать скрип петель, голоса, шаги, а не это вот сосредоточенное кругом него молчание.

В голову лезли скверные мысли. Очень хотелось пить, но он никак не мог подняться и с досадой гадал, почему он теперь один и никто не ходит за ним, не помогает.

«Пожалуй, эта болезнь даже мне на пользу. Лежу здесь теперь без проку, не дрожу ни за что, ни беспокоюсь...», – надумал себе Пётр и взял с прикроватного столика какой-то журнал.

В разделе «Прошлого» нашел дневник художника Целебровского и с интересом прочел воспоминания о вскрытии большевиками в 1919 году мощей святых Петра и Февронии, которые и через восемьсот лет не истлели и не превратились в пыль на удивление дураков и зевак, собравшихся в тот базарный день у монастыря.

«Вот ведь как бывает: и после смерти рядом, и цветут. А ведь и я тоже Пётр, и корни мои из Мурома, значит, где-то должна быть и моя Вроня...» – теперь Пётр понял, чего так сильно ему не хватало...

«Память, говорят, с годами от ненужного избавляется. А вот мою, как назло, на самом важном заклинило. Была ведь и у меня жена... Да где же она?.. И почему даже имени её не припомню!..» – рассердился Пётр и подскочил на кровати. Он решил непременно подняться теперь, чтобы вспомнить настоящее имя своей Врони, разыскать в квартире её следы.

Он начал ходить по комнатам, страдая одышкой и неустанно кашляя. Боль прорывалась из его груди, а лицо покрыли вязкие капли пота. Он пытался отыскать то, что поможет ему воскресить позабытое в памяти. Но видел всё кругом себя словно в расфокусе, в тумане, не мог ничего вдали разглядеть.

Тогда он направился на кухню, чтобы напиться. Дойдя до холодильника, он открыл и тут же закрыл холодную дверцу. Аппетита не было, и теперь он окончательно понял, что потерял запахи. Записки для него нигде не нашлось, не обнаружил он и телефона. Пётр попил воды и вдруг заметил недалеко от мойки подвешенный на шнурке фотоснимок. Научная кафедра, группа учёных, он в центре во втором ряду, а в первом, сразу перед ним, его Вроня.

На лице её и в глазах любой бы сумел разглядеть ту неподражаемую радость жизни, ту готовность всех и сразу в момент покорить, ту приятность, которую дышит в любой момент своей жизни неподдельная красота. Пётр стал воскрешать в памяти фрагменты позабытой жизни. Он припомнил всё про неё, кроме имени...

Снимок был сделан в день их первой встречи. Пётр заметил интересную девушку в зале, когда поднимался на кафедру для доклада на большой конференции. А дальше, во время вопросов, она зацепила его незнанием пустячных деталей, и он, не возражая и не вступая в спор, лишь пошутил, что не может равняться в усваивании с молодым учёным, выросшим очевидно на белорусской картошке, насыщенной калием и солнечным светом. Зал шутку признал и разразился смехом. Она покраснела и по окончании дня сурово пробежала мимо Петра, коснувшись его лица своим тёплым и влажным дыханием.

А дальше их поставили в одну рабочую группу на все дни конференции. Оказалось, что они давно были в электронной переписке по вопросам вирусологии. Такое внезапное второе знакомство отметили в кафе с мороженым и, в конце концов, в ходе череды удивительных дней они сблизилась, а затем и поженились.

Пётр вспомнил, что его Вроня имела какую-то особую склонность к семейной жизни, любила свой дом больше всего на свете. Его квартира с её приходом словно просветлела. Каждая мелочь нашла своё место, каждый угол – применение. Кухня и комнаты теперь содержались с особой опрятностью, ароматное бельё наполняло ласковым уютом спальню. Казалось, всё в доме теперь улыбается, и не было никого счастливее на свете.

«Пол всегда такой чисто-вымытый, сейчас не кажется уж таким опрятным... – с сожалением подумал Пётр про себя, продолжая свои воспоминания. – А ещё не слышно пения дверных петель и разносящихся по всему дому отзвуков шагов Врони, которая перелётала из комнаты в комнату по привычным хозяйским делам, приходя вечером с работы».

Запустение пришло не сразу, оно наступило с пандемией, которая завладела умами и временем учёных на всей земле. Научные отделы и лаборатории переустроили, каждая группа теперь стремилась уйти в прорыв в борьбе с единственной, невиданной ранее болезнью.

Его Вроня возглавляла один из таких отделов, но гибель людей не могла остановить. Не выходила у её группы вакцина. Учёные работали круглые сутки, и всё чаще она оставалась на работе и реже подходила к телефону в течение дня.

А потом придумали экспериментальную группу, разрешили первые пробы на людях. И Пётр впервые за несколько последних месяцев снова увидел её. Он стал одним из тех нескольких сотен, которые решились на укол.

Пётр помнил, как долго шёл по больничному коридору вдоль светло-зелёных стен под холодным искусственным светом. Кругом неживые запахи и испуганные лица таких же испытуемых, как он.

А дальше она устроила скандал, долго, потерянно говорила, как это опасно, признавалась, что они не готовы и не уверены, объясняла, что процент успеха ничтожно мал. А Пётр шутил, уверял, что теперь она точно отыщет способ и пробудится для решительной борьбы.

А ещё он признался, что с её уходом он будто лишился чего-то очень важного, а ещё перестал мечтать о том, чего раньше с ними не было. Всё, чего он теперь желал, без неё превратилось в моменты прошлого. Он день за днём лишь жаждал повторения давних дней. Той конференции, где случились первая встреча и невкусное в кафе мороженное, поцелуи украдкой и сонные доклады. Тех волнующих дней знакомства с родителями и ловкого побега с обеда в честь помолвки от родственников, которые сначала не хотели Вроню за него отдать, а затем он их переспорил. Всё другое, что могло ещё в жизни Петра произойти, казалось ему в тот момент таким неважным, бессмысленным, лишь потому, что этого раньше с ними двумя не было.

И Пётр сделал укол. Вакцина не помогла, а наоборот его свалила, тяжело свалила, с обильным поражением. Теперь он ходит с трудом, изолирован дома, а ещё случаются проблемы с памятью...

Пётр выпил опять воды и снова лёг в кровать.

«Как-то очень мне теперь нехорошо...» – пробормотал он и позабылся беспокойной дремой, жалея, что имени так и не вспомнил.

К полудню все приготовления были завершены, закуски распробованы, визитки отсканированы, и члены Совета стали проходить в совещательную комнату, где рассаживались на заранее подготовленные за круглым столом места.

Насте и секретарям был выделен небольшой закуток в углу, рядом с кофе-машиной, термосами, лимоном и другими привычными вещами для чаевничания. Их стол располагался на возвышении, и Настя прекрасно видела всё, что происходило внутри.

Комната была непримечательной. Все стены укрывали дымчатые плотные шторы, под потолком висели крупные лампы, на большом столе Совета стояли национальные флажки, минеральная вода, дизайнерские стаканы из голубого стекла, лежали листы ослепительно-белой бумаги, а на них разноцветные ручки и карандаши. Широкий экран был закреплён на одной из стен, вокруг него крутились техники. Юлихико Хузаки, губернатор одной из сорока трёх префектур Японии, должен был присоединиться позже к Совету по видеосвязи. Страна была закрыта на карантин, и он не сумел выбраться в Россию.

Настя думала о своей скромной роли в сегодняшнем дне, о том, что важные люди привечают теперь её как выдающегося ученого, добившегося успехов в деле защиты жизни людей.

«А если бы её команда не преуспела? Если бы вместо результатов, она продемонстрировала промахи, – сомневалась про себя Настя. – Стали бы все эти иностранцы, чужие люди, терпеть её неудачи, принимать со всеми недостатками... А вот Пётр любил её просто так, как обычного человека, понимал всё без слов, жалел и заботился без причины и повода...»

Брон прервала размышления Насти, начав заседание.

– Добрый день, друзья, я Брон Рэйчелсон, председатель и сео Совета по науке и безопасности. Приветствую вас на итоговом совещании. Сегодня нам предстоит сделать апдейт на часах Рокового дня и представить общественности, политикам и учёным информацию о главных техногенных угрозах человеческому существованию. И прежде всего мы должны ответить на два важных вопроса. Человечество и планета в наши дни более защищены по сравнению с предыдущим годом или наоборот подвергаются теперь сильнейшему риску?.. Какие главные риски мы можем выделить в эти дни?.. Из года в год Совет по науке и безопасности, применяя интеллектуальную строгость к разговору и не уклоняясь от тревожных истин, предупреждает мировых лидеров и человечество об опасности, делает всё, чтобы они увидели и осознали, какая серьёзная работа должна

быть проделана ради сохранения жизни на земле и какое глобальное взаимодействие на всех общественных уровнях должно быть внедрено. Хочу напомнить Совету, что в прошлом году мы выставили часы на самое близкое к роковому часу время, в котором часы когда-либо находились с момента своего создания в 1947 году. Всего 100 секунд отделяло нас от катастрофы. И сегодня человечество ждёт от нас новых взвешенных решений, а мы должны честно выполнить свой долг и, став голосом разума, предупредить общественность, политиков и учёных. Для первого доклада я предоставляю слово доктору Ардже Джоша, члену Совета, исполнительному директору Комиссии по биозащите.

– Спасибо, Брон, за предоставленную возможность и за то, что возглавила нашу дискуссию. Для меня большая честь делать первый доклад. Человечество ранее уже сталкивалось с различными заболеваниями и биологическими атаками. Разрушительные пандемии были давно предугаданы художниками и в научной фантастике, и в кино. И вот теперь мир столкнулся с новым вирусом, его не смогли вовремя остановить, и он быстро распространился и мутировал, став ещё заразнее и смертоносней. Болезнь показала нам нашу незащищённость, продемонстрировала разрушительные последствия науки и технологий в действии. Более двухсот семидесяти четырёх миллионов людей по всему миру были поражены, и, к сожалению, около пяти миллионов из них не смогли справиться с недугом. Не стало самых незащищённых из нас, наших с вами старших: сестёр, братьев, родителей, дедушек и бабушек. Но, несмотря на массовую летальность, серьёзные и длительные последствия, по мнению экспертов Совета, эта конкретная пандемия не сможет уничтожить цивилизацию и не должна влиять на перенос стрелок часов ближе к полуночи, к роковому часу. Мы верим, что болезнь, в конце концов, отступит, а те немногие принятые меры и рестрикты помогут и дальше сохранять наш мир в безопасности. Поэтому рекомендую рассмотреть вопрос о не включении в состав экзистенциальных угроз сегодняшнего дня COVID-19, другие вирусы и биологические атаки, что также может быть обусловлено поступившими в адрес Совета заключениями...

«Не включать COVID-19 в состав угроз... Как же так? – возмущалась про себя Настя. – Ведь умирали не только старшие, были жертвы и среди детей, и среди супругов. Пётр... А если он не выберется? Что если вот прямо сейчас позвонят и скажут про него какую-то неизменяемую гадость... И станут называть меня одинокой, а дом наш вдовой пристанью... Как же не включать, что может быть для меня опаснее?..» – и Настя с досадой перевернула экраном вниз лежащий на столе телефон, будто испугавшись, что он вдруг зазвонит и засветится.

– Спасибо, Ардже, – продолжила беседу Брон, когда первый доклад был окончен. – Теперь я бы хотела предоставить слово Сирлин Джэн Солит, руководителю Всемирной организации помощи, нобелевскому лауреату Премии мира, действующему президенту Либерии.

– Здравствуйте, дорогие коллеги. Высочайшая радость для меня быть частью сегодняшнего события, – приступила к докладу темнокожая женщина, с печальным, умиротворённым морщинами лицом, в раскосых очках, крупных жемчужных украшениях и с искусно драпированным на голове платком пурпурного цвета. – Благодарю председателя, членов Совета, а также всех экспертов и специалистов, работавших на протяжении года и подготовивших материалы для сегодняшнего дня. Эпидемия показала, насколько мы не готовы к чрезвычайным положениям. В дни подлинного кризиса правительства сразу стали снимать с себя ответственность, игнорировали научные рекомендации, отказывались сотрудничать. В результате страдали здоровье и благополучие граждан, многие гибли напрасно... Нежелание тех, кто принимает решения, эффективно общаться привело к тому, что ложная информация быстро распространялась через интернет, серьёзность пандемии искажалась, пропагандировались неэффективные методы лечения и бесполезные меры защиты, процветали конспирологические теории, движимые заинтересованными политиками и пристрастными СМИ. В прошлом году ложь буквально убивала... Поэтому Совет считает, что настоящей разрушительной угрозой наших дней стала массовая инфодемия. Социальные сети, поисковые системы и другие технологические приложения вводят человека в заблуждение, вызывают у него ярость, побуждают импульсивно реагировать,

относиться с недоверием к государственным институтам и даже нападать на них. Сегодня, когда учёные всего мира объединились для создания методов лечения и вакцин, чтобы подавить пандемию, наши национальные лидеры должны лучше противостоять дезинформации, а ещё прислушиваться к науке и сотрудничать. Кроме того, как показал COVID-19, индивидуальные решения обладают колоссальной силой, многое в успешной борьбе зависит от каждого из нас – делать или не делать прививку, надевать или нет – маску, оставаться ли дома. А потому и граждане всего мира должны организовываться и требовать борьбы с дезинформацией, посредством протестов, у избирательных урн и другими способами. И тогда мрак инфодемии рассеется. И мы преуспеем. Предлагаю, при расчёте положения стрелок часов принимать во внимание массовую инфодемию, губительную болезнь сегодняшнего дня.

– Предложения учтены, благодарю, Сирлин, – подключилась к разговору Брон. – А мы движемся дальше. Следующим выступит доктор Энви Жалуз, член Совета и профессор политологии Парижского университета. Прошу вас, коллега.

– Мерси бьян, шарман Брон. Мезами, гран плезир для меня выступить с настоящим докладом. Я буду говорить теперь о климате и тоже начну с пандемии. Разразившийся COVID-19 и связанный с ним хозяйственный спад действительно сильно сократили выбросы углекислого газа... Но! Это временное сокращение не является ни устойчивым, ни достаточным. Наш мир продолжает нагреваться, и климат по-прежнему движется не туда. И если мы всё также не хотим манифик пожаров, бруталь циклонов, рище осадков, то должны продолжить борьбу, пока не достигнем zero в показателях выбросов. И вот тут возникает главный вопрос! Пойдёт ли правительство при решении здравоохранительных задач по пути долго создаваемых зелёных технологий, будет ли использовать меры более дорогостоящие? Мы видим, что некоторые страны, выбросы которых составляют чуть ли ни четверть общемирового объёма, выходят из Парижского соглашения. И это, конечно, абсолютное амикошонство...

– Мистер, я бы попросил вас без ненужных сравнений! – прервал доклад Джек Драун, губернатор Калифорнии, седоволосый американец, одетый в повседневное: вязанный свитер

и клетчатую рубашку. – Мы тоже выходим на стрит и протестуем против фабрик, неправильных решений и...

– Коллеги, простите. Давайте не будем перебивать друг друга. Доктор Энви, продолжайте доклад, – вмешалась в разговор Брон.

Доктор Энви продолжил рассказывать про неустроенное международное сотрудничество, неразвитую экологичную инфраструктуру, дорогостоящие низкоуглеродные отрасли, которым производственные компании отказывают в экономической целесообразности, и о многих других вопросах, влияющих на ухудшение климата...

Настя прослушала часть речи Энви, беспокоясь о том, что до сих пор не получила от Петра сообщения, и всё никак не могла дождаться окончания доклада, чтобы выйти на перерыв.

Выскочив наконец из совещательной комнаты, Настя хотела было выйти на улицу, но привратники не выпустили её, сообщив, что до момента перевода часов и окончания официальных мероприятий никто не имеет права покидать центр. Настя снова позвонила Петру. Ответа не было. Она захотела побеспокоить соседей, чтобы постучали в дверь, попросили связаться, но обнаружила, что и связи у неё больше нет.

В это время из комнаты вышла Брон и, проявив беспокойство, попросила Настю вернуться – есть протокол, ведётся запись, вынужденно теперь прервались. Настя извинилась и заняла своё место на Совете.

Следующим выступал Юлихико Хузаки, губернатор префектуры Японии. Он присоединился к Совету по видеосвязи из Токио. На большом экране показался недвижимый, точно окаменелый, уверенный в себе японец средних лет в строгом костюме, с разноцветным значком на груди, с аккуратно зачёсанными назад волосами. За его спиной располагались государственные флаги и нарисованный чёрной краской на стене иероглиф. Его лицо не выражало никаких эмоций, кроме решимости и напряжения, и казалось, что в таком судорожном состоянии он способен провести не один день.

Юлихико поклонился участникам и приступил к докладу. Его речь была посвящена ядерным рискам. Он сообщил, что

всеобщую модернизацию вооружения не удаётся остановить ни на земле, ни в космосе, что переговоры о сокращении арсеналов не имеют результатов, соглашения только об ответном применении атомных средств не подписываются, а члены Ядерного клуба всё чаще признают оружие массового поражения более пригодным для использования, что говорит о несомненном увеличении рисков его скорого фактического применения. В заключении Юлихико признал, что такой мрачный ядерный пейзаж всё же не должен влиять на положение часов и может быть признан обнадеживающим... (и далее он начал произносить вещи очень, по убеждению Насти, невообразимые):

– Вероятность ядерной войны в наши дни реальна, как никогда. Южная Азия являет собой горячую точку, существуют неразрешимые проблемы в Иране. Мы верим в непреложный закон памяти о великих событиях в истории человечества. Трагедии держатся в головах людей лишь в течение жизни одного поколения, примерно пятидесяти лет. А значит уже давно настало время снова применить ядерное оружие. Люди начали забывать, стали испытывать ненадлежащие чувства, задавать странные вопросы. Средство сдерживания работает, только когда его периодически применяют. А с момента первого удара по Японии, по моей стране, прошло уже более семидесяти пяти лет. Наш народ пережил удар, выдержат и другие. Нынешняя война есть пиар. И что может быть оглушительней повторного применения. Мы уже на пороге. Но не нужно этого бояться. Это случится под добрым предлогом на периферии мира, во имя правды, борьбы с терроризмом и геноцидом. Наша цивилизация не погибнет, а лишь встрепенется, чтобы затем позабыть об оружии на следующие пятьдесят-семьдесят лет! – и Юлихико замер в глубоком поклоне под восхищенные аплодисменты присутствующих в комнате людей.

Настя не могла поверить в случившееся безобразие, в какой-то душевный вывих лучших из людей, в безумный хмель их почерневших глаз, в неприкрытое восхваление смерти, в людскую кровожадность до гибели. Она съёжилась вся внутри, ей сильно-сильно захотелось оставить это собрание, очиститься от него, оказаться в ином, отличном месте, рядом с Петром...

Разглядывая участников Совета, Настя увидела, что Алексей Юшкин тоже возмущён призывами коллег.

– Брон, коллеги, позвольте мне выступить следующим с докладом, – возбуждённо обратился к участникам совещания Алексей. – Полагаю, разговоры о ценности человеческой жизни очень связаны с вопросами преображения облика нашего общества, о которых я хотел говорить.

– Да, Алексей, пожалуйста. Коллеги, прошу вас.

– Уважаемый Совет, я буду говорить о внутренней миграции, происходящей в душе каждого моего современника, об искажении глубинных ценностей жизни современного общества... Сегодня мы очень устали от потребления. Наш мир – лишь погоня за улучшением качества индивидуальной жизни. Мы не чувствуем реализации, страдаем от безыдейности. Отсюда возникает неодолимое желание манифеста, выкрика, даже страдания, острая потребность в создании иных горизонтов бытия. Многие из нас, испытывая одиночество неустроенного человека, не имея возможности, стать кем-то, сбегают от жизни, желают спрятаться от неё. От безысходности мы изменяем сознание через напитки и возбуждающие вещества, травестируем исконные отношения между людьми, превращая их в извращённые, называем порочное поведение – свободой личности, не умея сказать произволу своих желаний: нет. В наше время подлинным эпатажем становится разговор о традиционных ценностях, здоровых нравах...

– Алексей, что вы всё расплываетесь в мысли, как мыло в воде? – недовольно перебила его Брон. – Насколько я вижу, тема вашего доклада иная. Переходите скорее к сути дела. В чём вы теперь пытаетесь нас убедить?..

– Да, да, к сути... В нынешнем беспорядке общества больше всего пострадали женщины! Всеобщая нравственная усталость требует теперь именно от них некоего волшебного оживотворения. Теперь все ждут чего-то именно от женщин. Для них придумали эгалитарские идеалы. И они поверили в недостаточность материнского высказывания в жизни и даже в преступность оно-го. Женщина сегодня должна добиться признания независимо от рождения детей, не заводить их, не потому что не смогла, а потому что не захотела. И всё это к чему нас привело? Женщины теперь не вступают в союз с мужчиной, брак угнетает их.

И как только проблемы независимой репродукции будут разрешены, отношения между полами окончательно потеряют смысл. Телесная автономия, устроенная в искусственной китайской матке, – вот чего желают женщины! Они забывают, что мужчины трепетно относятся к ним, обожая их хрупкую природу, уязвимость в моменты материнства. А решительный отказ женщины от рождения убивает мужское трепетное к ней отношение, она перестает возбуждать его на всякое дело, на всякий подвиг...

«Почему у нас не было детей? Действительно почему?..» – нахлынули вереницей воспоминания, и в какой-то сонный морок погрузилась Настя.

Она оказалась перед крыльцом своего немногэтажного дома. Было светло, но дом показался Насте каким-то потемневшим, состаренным, точно тень легла на него. Справа от входа располагался её любимый клён с густой шаровидной кроной, который даже в мрачные дни листопада и увядания тянулся ветвями к небу, точно припоминая часы, когда солнце было тёплым и ласковым. Обычно клён шелестел ветвями на ветру, встречая Настю, а теперь стоял недвижимо, сохраняя покой и безмолвие.

Какие-то люди в невзрачном одеянии подходили к подъезду. И Настя с ужасом поняла, что дом готовился к похоронам. Ей вдруг показалось, что самое непоправимое, чего она боялась больше всего на свете, теперь случилось. И она побежала, расталкивая ладонями и локтями заходящих внутрь мужчин и женщин. Люди пропускали её, расступались смиренно и глядели вслед как-то странно, точно жалея её.

Добежав до своего этажа, Настя увидела, что все эти незнакомцы поднимаются вереницей в её квартиру.

Входная дверь была распахнута, и Настя, пробежав мимо кухни, оказалась в гостиной. У входа в спальню столпились люди. Настя попыталась прорваться через толпу, требовала, чтобы её пропустили, но люди лишь недовольно оглядывались на неё и не давали пройти, некоторые даже отпихивали её и ехидно посмеивались. Настя так и не смогла попасть в спальню, ничего не сумела она разглядеть и за спинами-пиджаками, спинами-кофтами. Она лишь расслышала сильный

запах ладана, доносящийся оттуда, и гулкий невнятный голос, читающий что-то в глубине, у кровати в углу. Казалось, читали Евангелие, но кроме глаголов «жил», «проживал», «был» и «страдал» Насте не удавалось ничего уловить.

Обессилев, она села на пол у стены и заплакала от обиды. Оглядевшись, она увидела, что гостиная больше не была прежней. Вся обстановка и мебель из комнаты были вынесены. Вдоль стен теперь были расставлены длинные столы, и какие-то женщины подносили к ним наливки, кутью, пироги и другие закуски.

Внезапно Настя увидела ссутулившегося старика у окна, он сидел на стуле напротив распахнутых ставней и глядел бесчувственно куда-то вдаль. Приглядевшись, Настя различила в нём Петра. Он сильно похудел, осунулся и оброс, его уста болезненно искривились.

Настя подбежала к нему и стала обнимать, целовать его в губы и в щёки.

– Бедный, бедный мой! Жив! Ну как же ты тут без меня?!

– Да, вот видишь, не здоров... – ответил Пётр неживым, хрипящим голосом и указал скрюченным пальцем на стену у окна. – Зеркало разбилось... Скоро придут... Лишь дочитает отец свою книгу... Встречающих полный дом... Все мы замаялись от одной заразы...

Настя посмотрела в сторону людей, затем на зеркало на стене и увидела большие, расплзающиеся по нему во все стороны трещины. Под зеркалом стоял стол, а на нём иконка и свечи восковые. Парадный костюм Петра висел тут же на спинке стула.

– Что за ерунду ты говоришь! Я ведь теперь вернулась!

– Без тебя дом казался таким пустым. Ты же знаешь, что я ничего не могу правильно сделать. Ну, вот и не осилил... – и Пётр посмотрел на неё с какой-то тихой улыбкой и совершенно бесчувственным взглядом.

– Прости меня. Я совершила ужасную ошибку. Ведь не было никого, кто нуждался во мне как ты... – и слёзы у Насти потекли сами собой. – Давай уйдём отсюда! Сейчас же уйдём!

– Нельзя теперь, милая...

– Почему нельзя? Скажи! Скажи! Прости меня...

– Ты мне ничего не сделала...

– Нет, не только за себя прости, за всех прости, кому не помогла, кого не успела...

Пётр хотел что-то ответить, сжал Настины ладони, зашевелил губами и внезапно весь сник. А затем распустил руки и, прикрыв глаза, привалился к раме. В этот момент Насте показалось, будто дыхание его в окно улетело.

Тут же Настю со всех сторон обступили незнакомые люди, чьи-то цепкие руки отставили её от Петра. Настя кричала, сопротивлялась, звала мужа, но тут морок рассеялся, и она вновь оказалась на Совете.

В комнате стояла невыносимая духота, а разговор к тому моменту уже давно потерял приличное русло. Раздавались крики, учёные перебивали друг друга, плескались водой, показывали друг другу рискованные жесты.

– Знаю я всё про вас! – выкрикивал Алексею, причмокивая, американский губернатор, вызывающе закинув ноги на стол. – Вы никогда не употребляли свет для человека, лишь расточали его перед раскрашенными досками! Некоторым народам не прививается прогресс, вы безнадёжны. Эти ваши скрепы есть причина протестов против вакцины, против контрацепции!

– Мон дьё, эгалитарские идеалы очень даже достижимы! – кричал, вскочив на ноги француз, сотрясая судорожно руками. – У нас в Европе живут сытые люди успеха, люди триумфа, мотивированные, приветливые. А у вас – унылые, затравленные провинциалы, цепляющиеся за сомнительное прошлое.

– Врёшь, гадоюд! – широко упершись руками в стол, отвечал разъярённо Алексей Юшкин, лицо его от натуги покраснелось, волосы вздыбились. – Твоя сытая Европа уже с детства сидит на антидепрессантах, не засыпает без транквилизаторов.

– Вы больны мезогинией, Алексей! Я ещё при встрече заметила, как снисходительно вы пожали мне руку! – возмущалась Брон. – Да, когда-то люди ели сырое мясо, а женщин насиловали похожие на вас волосатые и неаккуратные мужчины с большими дубинами! Но те времена давно позади. И сегодня брак есть вынужденная мука встречающих друг друга зевотой людей. – У вас просто зуд! От нехватки внимания, от нехватки!.. – кричал в ответ Алексей.

«Боже мой, зачем я здесь... Почему присутствую на этом пустосовете...» – сокрушалась Настя и, проверив в очередной раз сообщения и звонки, поднялась, чтобы покинуть комнату.

– Куда же вы, Настя? Неужели не видите, здесь разворачивается битва между добром и злом? – попыталась остановить её Брон. – Не обращайтесь внимания на Алексея, он наакался мёда и теперь возбужден праздником и собственной значимостью.

– У меня разболелась голова, Брон, от этого крика, от ссор. Простите, я только умоюсь и сразу вернусь.

Выбегая из комнаты, Настя слышала, как защищался от нападавшего на него Совета Алексей, выкрикивая про гражданское оправдание всякой мерзости, про душевный трагедии одиноких людей подлунного света, которых непременно нужно выводить на чистую воду...

Настя снова оказалась в каминном зале, огонь всё так же всплесками вылетал из утопленной под полом печи, окрашивая своим inferнальным пламенем стены и привратников, недвижимо охранявших выход. Увидев их, Настя развернулась и уверенным шагом направилась в комнату с часами.

«Это было просто видение, от духоты, от криков. Пётр, только живи, столько часов с тобой впустую расплескали...» – думала про себя Настя.

Отдав удивлённым хранителям времени распоряжения, заверив их в окончании Совета, Настя заняла место докладчика на трибуне и, когда оборудование и камеры перестали жужжать и остановились в назначенном положении, начала доклад.

– Тринадцатое января, 2022 года. Лидерам и гражданам мира. Больше нет времени для пробуждения. До полуночи осталось «ноль секунд»... – в этот момент хранители скинули чёрную ткань с часов, обе стрелки на них были установлены на отметке «двенадцать», персонал, операторы, находящиеся в комнате, ахнули и испуганно зашептались, как и многие люди на улицах и в своих домах по всей земле. – Мир вышел из окутавшей его страшной пандемии, но победу ему не праздновать. Произошло гораздо худшее, непоправимое. Лидеры призывали нас угождать большим поколениям, прислушиваться к ним. И в этой гонке мы поте-

ряды всеобщие ориентиры. Нет больше правды, вокруг которой мы все согласны, ничто более не соединяет нас. Мир разваливается на глазах, и мы уже более не хотим его сохранять, не желаем слушать друг друга, и даже лучшие из нас во имя великих целей не находят способов договориться. Люди растеряны, не знают, что делать и где себя применить... Полночь уже наступила, и теперь только мы, все вместе, можем спасти человечество. Забудьте свои проблемы большие и малые, споры частые и редкие, возьмите в свои руки власть над временем и прекратите его бесполезный бег. Каждый из нас важен. Где бы вы ни были, обнимите того, кто рядом. Оставьте работу и езжайте домой, чтобы говорить близким о любви, чтобы преодолеть разъединение и обособленность. И тогда никто из нас никогда не умрёт. В этом спасение, в этом лекарство от болезни, в этом заключена тихая правда нашего мира! И во все времена было одно и то же! Нужно только об этом помнить и никогда не забывать!..

Завершив доклад, Настя покинула душную, полутёмную избу, выбежав на морозный воздух, и только здесь, наконец, она смогла раздышаться, мыслями просветлеть. Солнце уже давно скрылось, но на небе не было видно луны. Освещённые фонарями дорожки все замело, никто по ним в город не возвращался.

Поскальзываясь, не разбирая дороги, Настя спускалась по лестнице в низину. Какие-то тени, словно всадники, съехались у ссохшегося дерева на другом берегу. И Настя с грустью подумала, что клён у её дома, разлучённый когда-то с родной рощей и возвращённый людьми в окружении камней, ждёт такое же со временем угасание в пустоте, в одиночестве.

Вдруг одна из теней отделилась от дерева и выскочила на соединяющий берега мост. Это был тот самый, смоляной пёс, который встречал Настю утром. Теперь он хотел её непременно догнать. Доски под ним скрипели, точно деревья на сильном морозе, а в глухой тишине раздавался страшный копытливый стук.

Настя бежала вдоль реки, чудовище настигало её, было где-то позади, совсем рядом. Снег разъезжался под ногами, открывая коварную, зыбкую поверхность льда. Настя чувствовала зловоние псины, но не страшилась теперь ни клыков, ни когтей.

Лишь боялась, что погибнет именно теперь, прежде чем успеет с Петром объясниться...

На мгновение обернулась Настя, желая отбросить от себя догоняющего её пса. Но тут ноги повело, равновесие растерялось, и опрокинулась она с деревянного настила в пропасть реки Медвенка.

Крепкий, застывший лёд неестественно хрустнул. Настя вдруг почувствовала, точно кто-то прихватил её за горло, сковав вмиг дыхание, тело её загорело иголками, и от излишнего биения сердца ей стало казаться, что она поплыла над водой, над растрескавшимся льдом, над домами, оврагами и дорогой.

Выступление Насти произвело настоящий переполох. Казалось, все кругом с ума посходили. Гудели неумоимо машины, звучала залихватски музыка. Необыкновенно много пьяного народу с рдеющими, сияющими лицами вмиг оказалось на улицах. Приличные, одурманенные чрезмерным перепитием мужчины повсюду теперь валялись в кюветах, а вокруг них бегали жёны с кричащими на руках младенцами. Там и тут смеявшиеся совсем недавно начинали без причины плакать, завязывать драки, заводить ссоры...

Все ожидали великого катаклизма, но он не случился... И когда закончился этот удушливый, экстатический день, Совет выступил с новым докладом, принёс извинения, объяснился. И все снова пошло своим чередом...

Алексея Юшкина ещё в тот день в расстроенных чувствах исключили из Совета, а Настю с тех пор никто уже более не видел.

Коллеги из института, в конце концов, вместе с полицией взломали двери в её квартиру. Все стены внутри были усеяны записками разной величины: «Прости меня...», «Я пишу тебе о главном каждый день, с той самой ночи...», «Не сдержала я обещания... Но очень хотела их исполнить...», «Мне бы поглядеть на тебя хотя бы раз...», «Жаль, что у нас не случился младенчик...».

Опросив соседей, полицейским удалось выяснить, что Настя, каждый раз возвращаясь с работы, уверяла их, что однажды она вернётся домой вовремя и Пётр встретит её на пороге.